

УДК 811.161.1

СРЕДСТВА РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ В ПУБЛИЦИСТИКЕ ЗАХАРА ПРИЛЕПИНА

© 2014 г.

Е.В. Щеникова,¹ Е.В. Вологина²¹Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского²ООО «Первый Городской телеканал», Нижний Новгород

shen1@yandex.ru

Поступила в редакцию 06.03.2014

Рассматриваются средства речевой агрессии (единицы лексического и фразеологического уровней языка, а также прецедентные феномены), характерные для публицистических текстов Захара Прилепина; осуществляется их семантический и стилистический анализ. Особое внимание уделяется лексике с отрицательной семантикой (выделяются группы отрицательных семантических оттенков); среди семантико-стилистических средств наиболее подробному анализу подвергаются «агрессивные» метафоры.

Ключевые слова: речевая (вербальная) агрессия, Захар Прилепин, лексика с отрицательной семантикой, деструктивная семантика, метафора, публицистика, язык СМИ.

Современное российское общество отличается высокой степенью проявления агрессии, в том числе на вербальном уровне. Под речевой (вербальной) агрессией понимают форму «речевого поведения, нацеленного на оскорбление или преднамеренное причинение вреда человеку, группе людей, организации или обществу в целом» [1, с. 132]; «использование языковых средств для выражения неприязни, враждебности» [2, с. 340]; манеру речи, оскорбляющую «самолюбие, достоинство» [2, с. 340]. Речевая агрессия может быть направлена как на прямое оскорбление собеседника, так и на «формирование негативного отношения аудитории к какому-либо третьему лицу» [1, с. 133], явлению действительности. Особое внимание исследователи (см., например, [3–5]) обращают на проявление речевой агрессии в текстах публицистического стиля, которые, во-первых, изначально нацелены на формирование общественного мнения и, во-вторых, воспринимаются многими носителями языка как образцовые, т. е. формируют в сознании наших современников представление о языковой и речевой норме.

Публицистика Захара Прилепина не случайно стала объектом нашего исследования. Многие явления социально-политической жизни современного общества автор оценивает критически и, выражая свою позицию, нередко применяет средства речевой агрессии. Нами были детально проанализированы 22 статьи Прилепина [6; 7; 8]. Отмеченные в них средства агрессии крайне разнообразны. Поэтому в рамках данной работы мы представим анализ только лексических единиц и некоторых устойчивых сочетаний слов (фразеологизмов и прецедентных феноменов).

В публицистике Прилепина в первую очередь обращают на себя внимание **единицы с отрицательной семантикой** (5.1% от всех слов и устойчивых сочетаний в проанализированных нами текстах). Мы выявили 11 групп отрицательных семантических оттенков, которые регулярно реализуются посредством этих единиц. Рассмотрим данные оттенки в порядке убывания их частотности.

Семантический оттенок ‘деструкция’ (отмечен у 32.5% единиц с отрицательной семантикой). В специальной литературе, как правило, характеризуются глаголы с деструктивной семантикой (см., например, [9]), – нами привлекались к анализу слова любых частей речи, передающие идею деструкции (глаголы среди них составили лишь 37.9%).

В текстах Прилепина с разной степенью частотности представлены все три разновидности единиц с деструктивной семантикой, которые обычно выделяются в лингвистической литературе (см., например, [10]), а именно единицы, обозначающие уничтожение (преобладающая группа: *истребить, покончить жизнь самоубийством, расстрел*), разрушение (встречаются несколько реже: *обрушиться, рвать, растерзание, разрушитель*) и повреждение (немногочисленны: *проткнуть, протекать, надкусывать череп*).

Деструкция у Прилепина затрагивает очень широкий круг явлений. Отталкиваясь от идей Ф.Г. Фаткуллиной [9], мы выделили единицы, называемые: 1) ‘субъект’ деструкции (*охотник, маньяк, убийца*); 2) ‘средство/орудие’ уничтожения (*ядерные удары, автомат, бомбардировщик, черная дыра*); 3) ‘результат’ деструктивного воздействия: а) явление (*разрушения*,

разлад, распад) или б) признак явления/объекта (сбитый, протараненный, искривлённый). Следует также добавить, что в текстах Прилепина отмечаются факты не только физической (отказывают ноги, лифт не работает), но и социально-психологической и политической деструкции: *Та, бывшая моя страна, мне не нравилась: в ней была сломана система координат, извращены почти все понятия о чести и справедливости; присутствовало, правда, некое подобие свободы* («Камуфлированные блудни эпохи перемен» [6]).

Семантический оттенок 'бездействие'.

Данный оттенок реализуется в основном посредством сочетаний, которые построены по модели «не+глагол с нейтральной/положительной семантикой»: *Они ничего не смотрят, ничего не читают, ничего не знают, и знать не хотят, и только тихо презируют всё вокруг* («Экстремисты в гостях у Гоголя» [7]). Реже для этого используются глаголы без отрицания, наречия, существительные: *спокойно стоять, покой; И ничего, я сморгнул, проглотил неприятную слюну, смолчал – и добился-таки своего: мои документы приняли и переписывать не заставили* («На «ты» [6]). Бездействие как проявление пассивной жизненной позиции крайне отрицательно оценивается Прилепиным. В частности, им осуждаются безразличие, нежелание людей проявить интерес к тем вещам, которые могут оказать негативное влияние на их судьбу: *На моем участке на выборы шел отдельно взятый кандидат с прекрасным слоганом «Всех уволю!»*. *Никто так и не поинтересовался, кого, собственно, он, депутат гордумы, и на каких основаниях может лишить работы* («Работаем вместе, или Всех уволю» [6]). Подобного рода бездействие может быть даже приравнено к деструкции. Прилепин наряду с интеллектуальным (речемыслительным) отмечает и обычное физическое бездействие: *«Может быть хуже» — это вообще основа, суть и единственный постулат философии современного юношества; они и гомерических глупостей не свершают, и детей не рожают, и ни в п...ду, ни в Красную армию не идут, потому что и там может быть хуже, и сям, и посему давайте «не будем париться»* («Молодёжь к выходу на пенсию готова» [6]).

Семантический оттенок 'социально осуждаемые явления'. Данный оттенок на нашем материале встречается у всех единиц с отрицательной семантикой, но с основным компонентом значения он связан примерно у 13% из них. Чаще всего соответствующие единицы обозначают социально осуждаемые действия или – шире – социально осуждаемую деятельность: *украсть,*

ограбить, дать взятку, блядовать, ругаться матом; мошенничество, коррупция; У вас мальчик орёт матом на одноклассниц? У вас девочка орёт матом на одноклассников? <...> Даже не знаю, откуда они всего этого набрались. Может быть, вы сами имеете какие-то предположения? («Наше маленькое и подвижное отражение» [6]). В связи с последним примером следует, однако, отметить парадоксальный факт: критикуя использование матерной лексики (причем не только детьми, но и взрослыми), Прилепин включает ее в свои тексты как стилистическое / риторическое средство (см. примеры ниже). Следующей по численности является подгруппа оттенков 'социально осуждаемые качества/свойства'; здесь можно выделить качества психологические: *жадный, наглый, аморальный, безответственность, пошлость, подлость, цинизм, порочность* – и физические: *грязный (город), нетрезвый, пьяный*. Следующая по численности подгруппа – 'социально осуждаемые субъекты': *уголовник, вор, нувориш, бандит, жульё, фашист, маньяк, убийца*.

Семантический оттенок 'негативные эмоциональные состояния'. Единицы этой группы в обследованных нами текстах встречаются значительно реже, чем единицы первых трех групп; но, будучи в большинстве своем яркими, способны оказывать достаточно сильное воздействие на читателя: *Липкое, томительное и гадкое чувство подбострастия все время напоздало на меня, и я, признаюсь, еще задолго до осмотра (техосмотра автомобиля. – Е.Щ., Е.В.) внутренне приказывал себе не волноваться, не дергаться и обязательно убрать заискивающую улыбку с лица <...>. <...> Но организм не слушался! Организм то нервно подхихикивал, то покрывался гусиной кожей отращения к самому себе* («На «ты» [6]).

Семантический оттенок 'отсутствие необходимого качества'. Данный оттенок часто представлен единицами с компонентами *не* и *без*: *неприятный, нехороший, немудрый, безответственность, безволие, бессмысленный; Приснувшись в четыре утра, я попытался вспомнить все случаи моего общения с государством и его чиновниками. О, это всякий раз было бездарное и безрадостное времяпровождение* («На «ты» [6]); *Телевидение уже сегодня стало очевидной приметой чего-то безусловно нечистоплотного, неопрятного, рассчитанного на людей со слабой способностью к анализу действительности и к мышлению вообще* («I Love TV» [6]).

Семантический оттенок 'неопределённость'. Единицы, обладающие данным оттенком (преимущественно неопределенные местоимения и наречия), связаны с непрямыми фор-

мами агрессии. Отсутствие конкретизации во многих случаях способствует формированию дискредитирующего подтекста: *Третьим шёл известный городской бизнесмен со слоганом «Знает. Помнит. Помогает». Набор глаголов характерный: не может не радовать, что кандидат что-то или кого-то знает и, более того, хорошо помнит («Работаем вместе, или Всех уволю» [6]). Так, в приведенном контексте неопределенность знания приравнивается к поверхностности знания. Подобное описание кандидата в депутаты позволяет Прилепину показать его как не самого надёжного политика.*

Семантический оттенок ‘болезненность’.

Единицы с семантическим оттенком ‘болезненность’ обычно используются в прямом значении и называют нездоровое состояние человека или животного: *Она сообщила мне, что <...> она сама захворала, наш старший сын простыл, прекрасная наша кошка убежала из дома в дикий лес и ее пятый день нет, а у собаки – у того самого красивого пса в мире – проблемы с глазом, что-то он плохо им видит, а вернее, не видит вообще ничего («Большая проверка» [6]). Но в ряде случаев соответствующее состояние приписывается государству, отдельным властным структурам, российскому обществу в целом: *В нынешней моей стране система координат есть, в наличии всевозможные вертикали, но иногда кажется, что лучше бы этой системы не было. Нас заморозили в те времена, когда мы еще не переболели всеми заразами из возможных («Камуфлированные блудни эпохи перемен» [6]).**

Семантические оттенки ‘враждебность’ (вражеский, противостоять, выяснять отношения, бороться, вражда) и **‘опасность’** (насторожить, опасность, угроза). Иногда эти группы оттенков в значительной степени пересекаются: *Ко мне домой периодически приходят сотрудники милиции, моей жене звонят с угрозами («Твоего мужа посадят, поняла?») («По-едем на авто, несогласный?» [6]).*

Семантический оттенок ‘ложность’. В текстах Захара Прилепина сомнению подвергается истинность многих явлений, которые кем-то представляются как положительные: *подобие свободы, выдают за сильный характер, приветливая с виду; Это мы при жизни и на людях умеем весело и бурно изображать, какие мы добрые, и деятельные, и щедрые, и обаятельные, и любящие. На самом деле суки мы последние, трусливые и беспощадные ко всему, кроме себя («Зла не хватает» [6]). Семантический оттенок ‘ложность’ нередко сочетается с оттенком ‘социально осуждаемая деятельность’: *Чтоб избавиться от тебя, мы придум-**

ываем всё новые и новые истории в жанре альтернативной истории, в жанре мухлежса и шулерства, в жанре тупого вранья, в жанре восхитительной и подлой демагогии («Письмо товарищу Сталину» [6]).

Семантический оттенок ‘общая негативная оценка’. Данный оттенок реализуется посредством единиц, которые обладают достаточно широкой семантикой: *плохой, мерзостный, чудовищный, гадкий; Страна наша красивая и обильная. Совершает она такое количество зла, что удивительно, как земля еще не разверзлась под нами («Зла не хватает» [6]); Горький тогда представлял зрелище неприглядное: чудовищно грязный, помнится катастрофическая, ходынская давка в общественном транспорте, огромная помойка метрах в ста от Кремля («Модернизируй это» [6]).*

Особо подчеркнем, что рассмотренные выше группы семантических оттенков пересекаются, т. е. несколько оттенков может быть передано посредством одной языковой единицы.

Лексические единицы и устойчивые сочетания слов были нами рассмотрены не только в собственно семантическом, но и в стилистическом аспекте.

Многие исследователи отмечают, что «для публицистики новейшего времени» характерна «раскрепощённость речи в сторону снижения стиля» [2, с. 668]; «газеты и телевидение заговорили «языком улицы». <...> в СМИ наблюдается экспансия лексики малых социумов» [4]. Употребляя жаргонные, просторечные, в том числе бранные, слова и выражения, «журналисты практически не заботятся об адресате, нарушая постоянно его языковые права» [4]. «Бранная, неприличная лексика и фразеология появилась даже в тех публикациях, где раньше невозможно было ее представить – в материалах на серьезные общественно-политические, экономические темы, в статьях о <...> представителях власти, деятелях культуры» [5, с. 33].

Тексты Прилепина в значительной мере отражают тенденции, сложившиеся в современной российской публицистике. Автор активно использует **эмоционально сниженные единицы** как средство речевой агрессии, причем многие из них не относятся к литературному языку. Следует, правда, отметить, что жаргонизмы (*блатота, пахан, замочить, крышевать, зачистить*) и особенно обценные слова (непосредственно матерные, а также связанные с ними эвфемизмы, которые почти перестали выполнять свою функцию) встречаются далеко не во всех его статьях и в относительно небольшом количестве, причем в наиболее неприличных из них часть букв иногда заменяется мно-

готовчим. Жаргонные и обценные единицы наблюдаются в контекстах, где автор выражает крайнюю степень недовольства чем-либо: *На следующий день по городу пошли слухи, что всех омовских вышибал «посадят на спицы» – так нам просили передать наши общие девушки или юные завсегдатаи клубов, трущиеся возле бандитов («Камуфлированные блудни эпохи перемен» [6]); Б...дь, я не пришел. Я тут стоял. Идите сами откуда пришли («Достало» [6]).* Просторечные единицы, напротив, отмечены практически во всех обследованных нами текстах: *в конце концов, секретарша, ну, мужик, пацан, по-пацански, гадить, паскудный.* Наряду с разговорными словами и сочетаниями они усиливают общий пренебрежительно-уничижительный тон.

Речевая агрессия в текстах Прилепина проявляется также за счет использования **некоторых средств / приёмов языковой игры**. Языковая игра, по определению Н.В. Данилевской, основана «на преднамеренном (сознательном, продуманном) нарушении системных отношений языка, <...> на *деструкции* (курсив наш. – Е.Щ., Е.В.) речевой нормы с целью создания неканонических языковых форм и структур, приобретающих в результате этой *деструкции* (курсив наш. – Е.Щ., Е.В.) экспрессивное значение» [2, с. 657]. Применение языковой игры часто приводит к комическому снижению объекта описания.

В текстах Прилепина нередко встречаются такие игровые приемы, как **стилистический контраст** (смещение единиц с разной стилистической окраской) и **стилистическое несоответствие** (несоответствие типа стилистической окраски предмету описания).

Отмеченные нами формы стилистического контраста характерны для современной публицистики в целом:

– смещение единиц с повышенной и пониженной окраской: *Либералы дружно возопили о русском фашизме, хотя ни одному из них в голову не пришло покричать о чьем-то другом фашизме после убийства Свиридова («Общая кровь» [6]);*

– смещение разговорно-просторечных и книжных единиц: *Борис Ефимыч немало в регионе набедокурил да наколобродил, особенно в области сельского хозяйства («Модернизируй это» [6]).*

Стилистическое несоответствие встречается, как правило, в следующих вариантах:

– чаще всего эмоционально сниженными, а также разговорными и просторечными лексико-фразеологическими единицами описываются представители высшей власти и их деятель-

ность, работа правоохранительных органов, деятельность политических партий, творческий процесс писателя или кинорежиссера: *Пока местный губернатор посредством этой газеты выяснял отношения с местным мэром, наш аналитик под шумок умудрился и проклясть «банду Ельцина под суд» в 1993 году за расстрел парламента, и разоблачить несколько масонских заговоров, и открыть глаза на Березовского с Гусинским, и вывести на чистую воду сайентолога Кириенко, и так далее, и так далее («Россия на связи, прием» [6]);*

– реже книжными (в том числе высокими и устаревшими) лексико-фразеологическими единицами описываются негативно оцениваемые ситуации бытового, «приземленного» плана (техосмотр автомобиля, драка и т. п.): *Да, чуть не забыл: я еще успею в течение дня встретиться с нужным человеком и передать ему взятку за ту бумагу, которая воистину делается 15 минут, и сберечь себе завтрашний день («На «ты» [6]).*

Как видно из примеров, приемы стилистического контраста и стилистического несоответствия во многом пересекаются, имеет место их наложение.

Комическому снижению объекта/ситуации способствуют также различного рода **каламбуры**. Среди собственно лексических отметим, например, каламбуры на базе паронимии: *Депутат является самым крупным ресторатором (не путать с реставратором) региона, а также владеет двумя гостиницами и одной фабрикой («Работаем вместе, или Всех уволю» [6]).* Контраст приземленного (владение рестораном) и высокого (работа с памятниками искусства) формирует отношение к описываемому лицу.

Особого внимания заслуживают каламбуры, основанные на обыгрывании устойчивых сочетаний слов (фразеологизмов и прецедентных феноменов). Они периодически используются Прилепиным в одной из сильных позиций текста – в заголовке: *Жара и глянец, день чудесный [6] (ср.: Мороз и солнце; день чудесный!); К нам едет Пересвет [6] (ср.: К нам едет ревизор); Мой дом – моя глупость [6] (ср.: Мой дом – моя крепость); Пошел, увидел, рассказал [6] (ср.: Пришел, увидел, победил); В мерчандайзеры хочу – пусть меня научат [8] (ср.: Я б детей лечить пошел / я б кондуктором пошел / я бы строить дом пошел, пусть меня научат); Модернизируй это [6] (ср.: Анализируй это – название американского комедийного фильма). В одних случаях вторичное высказывание в целом сохраняет оценочный характер исходного: *Модернизируй это – Анализируй это* (комическое снижение). В других случаях наблюдается оценочный контраст: *Жара и глянец, день чудес-**

ный. Смысл последнего каламбура, в том числе его оценочная составляющая, раскрывается поэтапно. При первом знакомстве с заголовком воспринимается формальная трансформация прецедентного высказывания, заключающаяся в замене двух его компонентов лексемами той же тематической/семантической группы: *мороз* → *жара* (тематическая группа «температурные явления»), *солнце* → *глянец* (семантическая группа «блеск»). Однако далее, при прочтении статьи, становится ясно, что слова *жара* и *глянец* следует воспринимать не как обычные апеллятивы, а как имена собственные – названия фильмов. В тексте статьи отчетливо представлено резко отрицательное отношение автора к данным фильмам. В итоге при взаимодействии вторичного высказывания с исходным, которое обладает положительной оценочностью, и возникает оценочный контраст. Он усиливается за счет иронического переосмысления слова *чудесный*, которое является следствием каламбурного обыгрывания прецедентного феномена.

Ирония используется Прилепиным и как вполне самостоятельное средство речевой агрессии (впрочем, не слишком часто): *Мы бережно подводим читателя к очередному парадоксальному выводу: воспитывать ребёнка должны мама и папа. (Желательно, чтоб мама и папа были разного пола. Папа, к примеру, мужчина, а мама, допустим, наоборот)* («Наше маленькое и подвижное отражение» [6]). Интересным здесь представляется совместное переосмысление лексической и грамматической семантики при реализации иронии: вводные конструкции *к примеру* и *допустим* (как и модальное слово категории состояния *желательно*) в имплицитной форме указывают на возможность вариантного распределения ролей отца и матери между мужчинами и женщинами, при том что выше по тексту автором отчетливо обозначается его приверженность традиционным семейным ценностям.

Отметим также взаимодействие лексической и грамматической семантики при ироническом обыгрывании неопределенных местоимений и наречий (с разными лексическими значениями). Они используются автором, когда тот, судя по остальным элементам контекста, располагает точной информацией о чем-либо, например о причине действия: *Говорят, что Тимченко через офшорную компанию настолько хорошо продает российскую нефть, что стал миллиардером, а затем почему-то обменял российское гражданство на финское. Не странно ли? Я об этом и спросил: миллиарды русские, а гражданство – финское, что за ерунда?* («Как я место Путина занял» [6]).

Среди тропов, которые прямо не связаны с языковой игрой, с категорией комического, в текстах Прилепина особо выделяется **метафора**. «Метафора, по словам американского философа Макса Блэка, не только подмечает реальное сходство предметов, но и подсказывает новый взгляд на предмет» [11, с. 162]. В связи с этим при характеристике политической жизни она нередко используется «в целях дискредитации» [11, с. 165]. По утверждению О.С. Иссерс, «особой популярностью» в настоящее время «пользуются метафорические модели, где политическая жизнь осмысливается как театр <...>, криминальная сфера <...>, ирреальный мир» [11, с. 165]; кроме того, активно применяются зооморфные метафоры, позволяющие представить современную российскую действительность «как мир животных страстей», подчеркнуть «отсутствие у человека необходимых моральных качеств, жестокость и беспощадность политических фигур» [11, с. 166].

В статьях Прилепина встречаются как общеязыковые «агрессивные» метафоры (*убить время, бурное время, кипящий страстью*), так и собственно авторские. Последние нередко строятся за счёт сравнения явлений более высокого порядка (мировоззрения, социальной позиции, властных отношений, творчества и др.) с явлениями более низкими, в частности с бытовыми. Это, например, метафоры:

– испорченного продукта: *Старики старательно голосуют и почти единолично выбирают постыдную, прокисшую власть, по законам которой мы живем до следующих выборов* («Молодежь к выходу на пенсию готова» [6]);

– развлечения, игры: *Гонки провинциальных миллионеров «Кто первый ворвется в гордуму»: устоявшийся вид спорта со своими сложившимися традициями* («Работаем вместе, или Всех уволю» [6]);

– отрицательных (с точки зрения автора) состояний, таких как психическое нездоровье: *У нас юношество стремительно впало в старость, а иные из представителей молодого поколения еще хуже чем в старость – в старческий маразм*; постоянный сон: *В многочисленных провинциях идейно буйной молодежи нет совсем, ей неоткуда произрасти. Там почти все спят, не в силах разлепить глаза* («Молодежь к выходу на пенсию готова» [6]);

– зоометафоры: *Проханов <...> в ужасе ждал прихода к власти новой генерации людей, у которых в душе запёкся гной и во рту черви кипят* («Кочующий пароход “Александр Проханов”» [6]); *«Медведи» давно и аккуратно зачистили политическое пространство. И наконец настал момент, когда они начали жрать*

друг друга («Работаем вместе, или Всех уволю» [6]) – в последнем случае мы имеем переосмысление зоометафоры («Медведи»), которая изначально (как наименование партии) имела положительную коннотацию.

Среди отрицательных метафор в текстах Прилепина наиболее часто используются **деструктивные метафоры**. Одни из них строятся на базе слов, которые имеют деструктивные семы в структуре исходного, непереносного значения: <...> *создается ощущение, что респонденту на время разговора ампутировали мозг* («Россия на связи, прием» [6]); <...> *другие гнут и ломают свое дитя, пытаюсь, видимо, сделать из ребенка то, что из самих не получилось* («Социал-дарвинизм для детей» [7]). Другие деструктивные метафоры формируются Прилепиным с использованием слов, изначально не обладающих оттенком деструкции. Отрицательные коннотации они получают в контексте, хорошо отражая при этом мировоззрение автора: *Молодежь к выходу на пенсию готова* (т.е. не принимает активного участия в жизни общества, является консервативной частью общества – деструктивное явление в социальной сфере). Особо отметим использование деструктивных метафор для обозначения явлений нейтрального характера (наблюдается даже их повтор, причем в разных статьях): *На вокзале я полез во внутренний, закрытый на молнию, карман и, вскрыв его, обнаружил, что там ничего нет* («Большая проверка» [6]); *Приезжаешь с самого утра, там такая заасфальтированная площадка у ГИБДД, и на ней стоят машины со вскрытыми капотами, а возле машин перетаптываются и бесконечно курят нервные водители. Ждут офицера ГИБДД, который подойдет, проведет осмотр и черкнет подпись в бланке* («На «ты»» [6]). В подобных случаях метафоры помогают передать отрицательное отношение к ситуации в целом (кража денег и документов, неприятная процедура техосмотра), поддержать общий негативный эмоциональный фон текста.

Но наиболее агрессивными, на наш взгляд, являются антиэстетические метафоры. Указанное свойство (антиэстетизм) они приобретают прежде всего за счет своего крайнего натурализма: *Консерваторы размножаются уже в школах и университетах, они едва разучились вытирать сопли кулаком и носить колготки под шортами – и сразу же стали тотальными реакционерами* («Молодежь к выходу на пенсию готова» [6]); *Со временем он перестал работать скальпелем и вышивать тонкие узоры – после разорвавшегося с визгом и лязгом «Господина Гексогена» Проханов запускает жадные*

руки по локоть в самое человеческое существо, извлекает связки кишок, надкусывает череп и зачёрпывает пыльный мозг, рвёт на части грудину в поисках сердца («Кочующий пароход “Александр Проханов”» [6]); см. также пример выше: *в душе запёлся гной и во рту черви кипят*.

Гипербола – еще один некомический троп, который нередко используется Прилепиным как средство речевой агрессии. Агрессивный характер гиперболам в его текстах придают, в частности, их:

– антиэстетизм: *Я помню, как яростно кричали и рычали на Солженицына за его возвращение в Россию в «пломбированном вагоне». Причем порицали писателя как раз те, кто нынче летает в собственных пломбированных самолетах и санузлы посещает тоже исключительно пломбированные* («К черту, к черту!» [6]);

– алогичность (возникающая, например, вследствие использования плеоназма или оксюморона): *У нас же в Кремле каждый первый – спортивный фанат! Поэтому и самые громкие приоритеты на Руси соответствующие – то Олимпиада в Сочи, то чемпионат мира по футболу. Поклонники сольфеджио или критического реализма во власти встречаются куда реже* («Общая кровь» [6]); *У нас тут проходили выборы нового состава городской думы и у вас, наверное, тоже. Снова на каждом углу висели билборды, плакаты и листовки с изображением честных, очень честных и невыносимо честных лиц* («Работаем вместе, или Всех уволю» [6]).

В заключение необходимо отметить такое средство выражения агрессии, как **амплификация (нагнетение)**. Воздействие всех описанных выше средств многократно усиливается, если они концентрируются на определенном отрезке текста (в рамках предложения, абзаца или целой статьи). В публицистике Прилепина наблюдается нагнетение эмоционально сниженных, в том числе нелитературных, единиц: *Понятно, что таким беспределом занимаются самые тупые и на всю голову отмороженные из числа фанатов – но все-таки занимаются* («Общая кровь» [6]); нагнетение единиц с отрицательной семантикой, представленной как эксплицитно, так и имплицитно (например, в метафорической форме): *Выяснилось, что великий русский писатель живым не должен быть, он должен быть мертвым. Если он живой – то надо сделать так, чтоб он замолчал и не лез со своим мнением. Если он еще говорит, надо убавить ему громкость* («К черту, к черту!» [6]). Более того, многие языковые единицы именно в ре-

зультате применения амплификации начинают действовать как средства речевой агрессии: *Михалков-Кончаловский не знает, что такое русская деревня, не знает, кто такие русские бандиты, не знает, что такое русский глянец, но жаждет все это изобразить* («Жара и глянec, день чудесный») [6]).

Итак, использование средств речевой (вербальной) агрессии (в том числе лексико-фразеологических) можно рассматривать как один из показателей индивидуально-авторского стиля Захара Прилепина. Публицист регулярно обращается к ним при описании социально-политической жизни современного общества, прежде всего российского. Агрессивное речевое поведение наблюдается, в частности, при характеристике действий власти и конкретных ее представителей, вещательной политики некоторых телеканалов, состояния общественного мнения и т. д.

Речевая агрессия в статьях Прилепина представлена как в эксплицитной, прямой форме (посредством единиц, несущих отрицательные семы в составе основных, переносных, словарных значений, и др.), так и в имплицитной, «скрытой» (посредством агрессивных авторских метафор, каламбуров, иронии-тропа и др.). Действие многих средств значительно усиливается, если их включение в контекст сопряжено с приемами амплификации и контраста.

Речевая агрессия используется Прилепиным во многом именно как риторическое, а не просто как стилистическое средство. Очевидно, что публицист стремится не только выразить собственное отрицательное отношение к определенным явлениям действительности, но и сформировать / поддержать соответствующее отношение у читателя. Не будучи ни сторонниками, ни противниками социально-политических взглядов Захара Прилепина и оценивая только их вербальное представление, мы считаем возможным отметить, что цели, которые, видимо, ставит перед собой автор, не всегда оправдывают используемые им языковые / речевые средства. И прежде всего это касается обценной лексики. Мы полностью солидарны с В.И. Коньковым в том, что «сам факт использования нецензурного слова в публичной речи <...> грубо нарушает правила речевой коммуникации», «этические нормы речевого поведения» (цит. по: [5, с. 34]), «ведет общество к саморазрушению»; причем «особую опасность» таит в себе включение обценных единиц в тексты, отличающиеся «ярким индивидуальным стилем» (цит. по: [5, с. 35]), поскольку в подобных случаях происходит их скрытая «реабилитация». Кроме того, в целом чрезмерным представляется

нагнетение негативно-оценочных единиц, в том числе эмоционально сниженных. Автора нельзя обвинить в их абсолютно немотивированном употреблении: они отвечают его концепции, и в частности помогают создать образ социально опасной действительности. Однако степень концентрации указанных единиц такова, что текст Прилепина, как правило, имеет очень тяжелый эмоциональный фон, порождаемая им атмосфера ощутимо «давит» на читателя. И такая форма представления мыслей может вызвать у последнего не отторжение осуждаемых автором явлений, а неприятие самого текста; может быть воспринята им (читателем) как проявление агрессии в отношении его самого.

Список литературы

1. Русский язык и культура речи / Под ред. В.И. Максимова, А.В. Голубевой. М: Высшее образование, 2008. 356 с.
2. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003. 696 с.
3. Клушина Н.И. Образ врага (о военной риторике в мирное время) // Язык современной публицистики: Сб. ст. / Сост. Г.Я. Солганик. 3-е изд. М.: Флинта: Наука, 2008. 232 с.
4. Булыгина Е.Ю., Стексова Т.И. Проявление языковой агрессии в СМИ // Библиотека центра экстремальной журналистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.dere.com.ua/library/buligina/yazik_agres.shtml (дата обращения 10.10.2010).
5. Рацибурская Л.В. Особенности языка современных российских СМИ: средства речевой агрессии. Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2010. 79 с.
6. Официальный сайт Захара Прилепина. Раздел «Колумнистика» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zaharprilepin.ru/ru/> (дата обращения 10.03.2013).
7. Свободная пресса. Раздел «Наши авторы»: Захар Прилепин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://svpressa.ru/themes/news.php?id=%c7%e0%f5%e0%f0+%cf%f0%e8%eb%e5%ef%e8%ed> (дата обращения 10.03.2013).
8. Русская жизнь. Раздел «Авторы»: Прилепин Захар [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rulife.ru/old/name/author/64/> (дата обращения 10.02.2014).
9. Фаткуллина Ф.Г., Башарова Р.Р. Семантическая характеристика глаголов разрушения в современном русском языке [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sworld.com.ua/index.php/ru/philosophy-and-philology/linguistics-and-foreign-languages-in-the-world-today/2483-fatkullina-fg-basharova-rr> (дата обращения 20.05.2012).
10. Жмуров Д. Насилие (агрессия и литература) // Авторский сайт Дмитрия Жмурова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.npocmo.info/nl/nl_c1.html#c4 (дата обращения 20.05.2012).
11. Иссерс О.С. Речевое воздействие. 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2011. 224 с.

MEANS OF VERBAL AGGRESSION IN PUBLICISTIC TEXTS BY ZAKHAR PRILEPIN

E.V. Shchenikova, E.V. Vologina

In this article, we examine means of verbal aggression (lexical and phraseological language units, and also preconditional phenomena), being characteristic of publicistic texts by Zakhar Prilepin; their semantic and stylistic analysis is provided. Particular attention is paid to negative-semantic words and phraseological units (groups of negative semantic shades are revealed). In the category of semantic and stylistic means, the most detailed analysis is given of «aggressive» metaphors.

Keywords: verbal aggression, Zakhar Prilepin, negative semantics, destructive semantics, metaphor, publicistic journalism, language of mass media.

References

1. Russkij yazyk i kul'tura rechi / Pod red. V.I. Maksimova, A.V. Golubevoj. M: Vysshee obrazovanie, 2008. 356 s.
2. Stilisticheskij ehnciklopedicheskij slovar' russkogo yazyka. 2-e izd., ispr. i dop. / Pod red. M.N. Kozhinoj. M.: Flinta: Nauka, 2003. 696 s.
3. Klushina N.I. Obraz vruga (o voennoj ritorike v mirnoe vremya) // Yazyk sovremennoj publicistiki: Sb. st. / Sost. G.Ya. Solganik. 3-e izd. M.: Flinta: Nauka, 2008. 232 s.
4. Bulygina E.Yu., Steksova T.I. Proyavlenie yazykovoj agressii v SMI // Biblioteka centra ehkstreml'noj zhurnalistiki [Ehlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.dere.com.ua/library/buligina/yazik_agres.shtml (data obrashcheniya 10.10.2010).
5. Raciburskaya L.V. Osobennosti yazyka sovremennyh rossijskih SMI: sredstva rechevoj agressii. Nizhnij Novgorod: Nizhegorodskij gosuniversitet, 2010. 79 s.
6. Oficial'nyj sajt Zahara Prilepina. Razdel «Kolumnistika» [Ehlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.zaharprilepin.ru/ru/> (data obrashcheniya 10.03.2013).
7. Svobodnaya pressa. Razdel «Nashi avtory»: Zahar Prilepin [Ehlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://svpressa.ru/themes/news.php?id=%c7%e0%f5%e0%f0+%cf%f0%e8%eb%e5%ef%e8%ed> (data obrashcheniya 10.03.2013).
8. Russkaya zhizn'. Razdel «Avtory»: Prilepin Zahar [Ehlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.rulife.ru/old/name/author/64/> (data obrashcheniya 10.02.2014).
9. Fatkullina F.G., Basharova R.R. Semanticheskaya harakteristika glagolov razrusheniya v sovremennom russkom yazyke [Ehlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.sworld.com.ua/index.php/ru/philosophy-and-philology/linguistics-and-fore-ign-languages-in-the-world-today/2483-fatkullina-fg-basharova-rr> (data obrashcheniya 20.05.2012).
10. Zhmurov D. Nasilie (agressiya i literatura) // Avtorskij sajt Dmitriya Zhmurova [Ehlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.npocmo.info/nl/nl_c1.html#4 (data obrashcheniya 20.05.2012).
11. Issers O.S. Rechevoe vozdejstvie. 2-e izd. M.: Flinta: Nauka, 2011. 224 s.